

Источник: <http://litfile.net/web/532135/514000-515000>

П.Ф. Алешкин, Ю. А. Васильев
КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ в 1918—1922 гг.
От махновщины до антоновщины

Конфискация зерна. Из «Революционных акварелей». Художник И.А. Владимиров

Допрос кулака и священника. Из «Революционных акварелей». Художник И.А. Владимиров

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Недовольство политикой военного коммунизма в крестьянской среде усиливалось антирелигиозной политикой Советского государства. Церковь, как самая массовая организация в огромной крестьянской стране, воспринималась в качестве серьезной угрозы

новому строю, поэтому советская власть вела беспощадную борьбу с ней.

Провозгласив в

1918 г. курс на отделение церкви от государства, советская власть встала на путь конфронтации по отношению к Русской православной церкви. Закрытие и разгром церквей,

аресты и преследование духовенства, вскрытие мощей, надругательства над святыми местами, ликвидация монастырей и другие подобные мероприятия советской власти не только отчуждали население, но и вызывали возмущение. Религия и церковь продолжали

занимать в жизни крестьян важное место. В селах фигура сельского священника пользовалась авторитетом.

Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» провозгласил принцип полного лишения религиозных организаций любой собственности:

никакие церковные и религиозные общества не имели прав владения собственностью и прав

юридического лица. Церковная собственность одним указом подверглась

«национализации»: церкви и монастыри без их ведома оказались не собственниками, а лишь

пользователями имущества, накопленного за десятилетия и столетия, в основном за счет

прихожан.

Характерно, что созданная в Наркомате юстиции в апреле 1918 г. комиссия для

осуществления декрета об отделении церкви от государства стала называться

«ликвидационной». Инструкция от 24 (30) августа 1918 г. о порядке применения декрета

предусматривала комплекс жестких конфискационных мер, включая изъятие капиталов,

ценностей, другого имущества церквей и монастырей. Все церковное имущество передавалось на баланс местных Советов {1:21}.

Однако сразу же осуществить экспроприацию церковных ценностей оказалось невозможно. В сельских регионах страны большинство населения относилось к верующим

различных конфессий, в основном исповедовало православие. В деревне негативно

отнеслись к гражданской метрикации, к изъятию из храмов метрических книг. За отказ выдать книги сельские священники подвергались арестам и отдавались под суд.

Верующие отказывались составлять договоры с советской властью («о передаче в пользование...») и описи церковного имущества. Такие случаи произошли в Тверской

губернии (Татарковская волость, Старицкий уезд), в селах Медведево и Збоево Ржевского

уезда крестьяне избили представителей исполкомов, явившихся к ним объяснить значение и

цель декрета. В обоих случаях большевики обвинили «церковников в контрреволюционной

агитации». В Пошехонском уезде Ярославской губернии в связи с волнениями прямо у церкви было арестовано около 100 человек, трое подверглись расстрелу без суда, 56 человек

угодили под революционный суд {2: 231}.

Если в городах изъятие церковного достояния протекало быстро, в деревнях оно затянулось. В сравнении с церковным имуществом в городах сельские приходы, как правило, отличались бедностью. Органы советской власти получали многочисленные прошения (резолуции сельских сходов, скрепленные сотнями подписей крестьян) не трогать монастыри и церкви, церковное имущество — как пожертвованное верующими.

Крестьянское население рассуждало следующим образом: поскольку церковный инвентарь,

как и сами церковные постройки, приобретались на пожертвования многих поколений сельских прихожан, поэтому должны достаться им: если продавать имущество, то не в пользу государства. Национализация церковной собственности вызывала ожесточенный

протест верующих.

В Костромской губернии в селе Красное 13 февраля 1918 г. произошло сильное крестьянское волнение. Весной 1918 г. в Раифской пустыни Соловецкого округа толпа крестьян бросила в огонь шестерых коммунистов, пришедших национализировать церковное имущество. В селе Благовещенском (Муромский уезд Владимирской губернии)

женщины узнали, что местную церковь большевики хотят отобрать под Совет. Весть быстро

облетела село, женщины бросились на проходившее заседание кооперативного собрания,

разогнали президиум, а бумаги и протокол порвали на мелкие кусочки. В октябре 1918 г. с

резким сопротивлением советскому декрету выступили верующие Орловской области {2:

231, 237}.

В обращении к советскому правительству 13 октября 1918 г. патриарх Тихон писал: «Сначала под именем “буржуев” грабили людей состоятельных, потом, под именем “кулаков”, стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Агитаторы в деревне. Из «Революционных акварелей». Художник И.А. Владимир

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха, но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отщении грехами и преступлениями» {3: 72}. Значительное число выступлений на религиозной почве отмечалось в Тамбовской, Воронежской, Курской губерниях, в Верейском, Рузском уездах Московской губернии, в Варнавинском уезде Костромской губернии {4: 129}. Примеров волнений и выступлений крестьянства, связанных с религиозными причинами, было немало. В их числе: восстания в селе Большой Азясь Краснослободского уезда Пензенской губернии в марте 1919 г., в Покровской волости Наровчатовского уезда Пензенской губернии в январе 1920 г., в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии в июле 1920 г. Широкое распространение получили отказы от мобилизации по религиозным причинам. В марте 1919 г. произошло восстание в Н.-Матренской волости Усманского уезда Тамбовской губернии на религиозной почве. Члены сельского Совета села Пластинок попытались забрать метрические книги — пошел слух, что пьяные сельсоветчики отбирают святые предметы в церкви, кресты, Евангелие, кто-то ударил в колокол, собралась толпа, выгнали Совет из церкви и некоторых побили. Вызванным отрядом были арестованы несколько человек {5: 121—123}.

22 ноября 1919 г. в селе Казанка Скопинского уезда Рязанской губернии произошло восстание среди крестьян, порожденное распространившимися слухами о закрытии местной колокольни {5: 223}. В мае 1920 г. крестьяне села Ярул Канского уезда Красноярской губернии воспротивились попытке местной власти арестовать священника, ударили в набат, разогнали волревком и милицию {5: 297}.

Одной из причин «вилочного восстания» в январе—марте 1920 г. Казанской, Уфимской, Самарской, Симбирской губерниях было недовольство крестьян проводившейся в деревне антирелигиозной политикой советской власти, сопровождавшейся закрытием церквей и мечетей, насилиями над священнослужителями. В татарских селах проводили принудительную мобилизацию мулл, брали их в качестве заложников за невыполнение государственных повинностей, закрывали базары {5: 756}.

Тем не менее религиозные выступления в деревне, направленные против большевистской власти, носили локальный и вторичный характер: земля и хлеб — вот что составляло основной объект борьбы в деревне, отчуждая крестьянское население от интересов Советского государства.

Духовенство по объективным причинам не могло быть активным сторонником большевистского государства. Многие из сельских священников принимали участие в крестьянских восстаниях, причем не только в качестве рядовых участников, но и руководителей. Монастыри, церкви и церковные помещения нередко становились местами хранения оружия и убежищем для повстанцев. Священники вели активную агитацию, скрытую или явную, против советской власти. Советскую власть они считали порождением антихриста и поэтому незаконной. Причина подобной позиции духовенства заключалась в политике советской власти по отношению к церкви. В большинстве своем сельские священники негативно отнеслись к декретам большевиков о свободе совести и вероисповеданий и об отделении церкви от государства и школы от церкви. Данная тема постоянно звучала в антисоветских проповедях и агитации духовенства. Политика большевиков по отношению к церкви вызвала недовольство и у крестьян, нередко становясь одной из причин массовых крестьянских восстаний. Но неверным является мнение о том, что духовенство представляло собой реакционную массу, противостоящую революционному строительству советской власти.

В 1920 г., по мере укрепления позиций советской власти, наблюдалось изменение отношения к власти со стороны части сельского духовенства. Более того, лояльные советской власти священники привлекались органами ВЧК к сотрудничеству и выполняли их поручения {5: 35}. Так, курские чекисты в 1920 г. докладывали, что в губернии в среде духовенства сложилось направление, которое можно назвать «советским». Эта часть священников старалась, отмечалось в тексте сообщения, разъяснить темным массам о

пользе проводимой политики Советской власти {5: 271}. Отмечались факты добровольной записи священников на общественные работы.

Показателен пример по Пензенской губернии. В 1918—1920 гг. Пензенская губчека арестовала в общей сложности 5520 человек, в числе которых значилось 59 представителей

духовенства. Основные аресты пришлись на 1918 г. — 35 священнослужителей, из которых

14 были расстреляны. В 1920 г. арестовано лишь 8 представителей духовенства, расстрелы

прекратились (для сравнения: в этом же году ЧК арестовала 9 чекистов и 27 коммунистов)

{5: 313, 316}.

В информационных сводках местные органы ВЧК докладывали: духовенство открыто не

выступает, за каждым шагом священников следят компетентные органы, но тяготение крестьян к церкви по-прежнему значимо. Любопытный пример: крестьяне Покровского прихода села Соколовское Тюменской губернии на сельском сходе постановили:

«Осмеливаться коленопреклонно просить Народную власть не допускать насилий над православным духовенством, которое нам необходимо» {5:318}.

Стихийное бедствие, обрушившееся на Россию в 1921 г. — массовый голод в Поволжье и

других регионах — было использовано для проведения масштабной, в рамках всей страны,

кампании изъятия церковного имущества. Цель изъятия для населения декларировалась как

необходимость получения средств для оказания помощи голодающим. Однако помимо этого

у данной акции были другие стороны: создание материального фонда для укрепления государства, а также возможность подорвать основу могущества Церкви.

Традиционная причина голода — засуха — обострилась и усилилась состоянием разрухи,

связанной с опустошительной Гражданской войной, с губительными экономическими экспериментами «военного коммунизма», с кровавым подавлением крестьянских волнений

и восстаний против этих экспериментов в самых хлебных районах страны. Характерно, что с

голодом как стихийным бедствием явно не могли справиться государственные органы страны.

Первые известия о начавшемся массовом голоде вызвали значительное общественное движение помощи голодающим. Одной из первых откликнулась на беду Русская православная церковь. Патриарх Тихон 22 августа 1921 г. издал воззвание «О помощи голодающим», где призывал всех верующих и духовенство полусотни тысяч православных

приходов страны к добровольным благотворительным пожертвованиям в помощь голодающим. В июле—августе 1921 г. и позднее патриарх неоднократно обращался с церковных амвонов с призывами произвести сборы денег и продовольствия и выслать их

вымирающему от голода населению Поволжья. Тогда же был основан Всероссийский

Церковный комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди верующих начались сборы денег на оказание помощи голодающим. Так, церковный совет Ленинского уезда Царицынской губернии принял решение отдать церковные ценности в пользу голодающих.

Крестьяне поддержали решение совета. Духовенство в Белозерском и Кирилловском уездах

Вологодской губернии выпустило воззвания к верующим о сборе церковных ценностей {5: 589}.

Но церковная инициатива была признана советским правительством излишней и все собранные церковью денежные суммы по его требованию сданы правительственному комитету.

Патриарх Тихон предлагал руководителям ВЦИК признать созданный Церковный комитет помощи голодающим и разрешить ему вести благотворительную работу.

Руководители страны из центральных партийных органов не выразили желания делать подобную «уступку». Решение срочной проблемы затягивалось на месяцы, желание помочь

беде квалифицировалось как уловка классового врага. Вместо Всероссийского комитета

помощи голодающим с широким представительством общественности в конце концов была

создана при ВЦИК Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол) как орган партийно-советского аппарата, а многие деятели Всероссийского комитета были репрессированы. Руководимый М.И. Калининым Помгол отныне жестко контролировался

ВЧК—ГПУ и Политбюро ЦК РКП(б).

Лишь 8 декабря 1921 г. ВЦИК разрешил наконец религиозным организациям, но исключительно под руководством Помгола собирать средства в помощь голодающим. Церковь выразила готовность немедленно начать эту работу, но оказалось, что следует ожидать появления инструкций и положений о порядке осуществления данного разрешения.

Соответствующее положение, готовившееся нарочито неспешно, было утверждено лишь 1

февраля 1922 г. Причинами подобной неспешности являлась боязнь партийных руководителей дать хоть какое-то легальное поле действия небольшевистским общественным силам, а также продолжавшиеся споры о методах искоренения религиозности и церковности в огромной крестьянской стране.

Церковь, получив разрешение на участие в помощи голодающим под руководством советского органа (Помгола), усилила легальную практическую работу. Патриарх Тихон

обратился 6 февраля 1922 г. к верующим с новым воззванием о помощи голодающим. Оно

было составлено, как только патриарх получил утвержденное Помголом «Положение о возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим», 14 февраля 1922 г. воззвание патриарха было опубликовано, с разрешения

правительства, в массовой печати. Патриарх Русской православной церкви объявил о разрешении для духовенства и приходских советов, с согласия общин верующих, на

попечении которых находилось храмовое имущество, жертвовать на нужды голодающим драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления, на оказание помощи голодающим: подвески в виде колец, цепей, браслетов, ожерелий и других предметов, пожертвованных церкви для украшения святых икон, золотой и серебряный лом {1: 8, 11}.

Руководство Церкви рассматривало церковные пожертвования как сугубо добровольные, настаивало, чтобы процесс сбора этих пожертвований, их сосредоточения и направления голодающим проходил под постоянным контролем церковной организации на всех ее уровнях, от церковного старосты и священника до архиерея и патриарха. Подобный подход помог бы осуществить реальное соглашение государства и церкви о совместной бесконфликтной работе по сбору церковных средств в помощь голодающим. Однако советская сторона все сделала по-другому. Президиум ВЦИК 16 февраля 1922 г. потребовал от местных Советов немедленно изъять все драгоценные предметы из золота, серебра и камней и передать их в органы Наркомата финансов со специальным назначением в фонд Помгола. Изъятию подлежали церковные ценности, отсутствие которых не должно было «существенно затронуть интересы самого культа». Для осуществления данной акции в каждой губернии создавались специальные комиссии {6: 16}.

Декрет ВЦИК от 16 (23) февраля 1922 г. по своему характеру напоминает методы централизованной государственной продразверстки. Этот документ отразил накопленный советской властью опыт времен «военного коммунизма». Именно он создал юридическую основу для масштабной акции по разграблению церквей и монастырей, параллельно — по разгрому Русской православной церкви. Этим декретом центр тяжести решительно переносился с добровольных церковных пожертвований на насильственное изъятие церковных ценностей органами власти. На практике главной задачей становилось не спасение жизней голодающих, а ускоренная ликвидация церкви как таковой. Изъятию из храмов подлежали все драгоценные церковные вещи, в том числе богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви, подобный акт оценивался как святотатство. Устами своего патриарха РПЦ не одобрила изъятие из храмов священных предметов, включая добровольное пожертвование {1: 113—114}.

Инструкция ЦК Помгола устанавливала порядок изъятия церковных ценностей. Подчеркивалось, что все ценности являлись не собственностью верующих, а находились в их пользовании. Требовалось обязательное представление старой, до 1917 г., церковной описи или инвентарной книги (отметим, что отсутствие дореволюционного реестра или несоответствие ему позволяло обвинить духовенство в хищениях и грабежах:

отсутствующие предметы заносились в особый протокол, который передавался следственным органам для привлечения виновных к ответственности). Верующим предоставлялось лишь право вносить в протокол изъятия замечания и возражения по поводу

предметов богослужебного пользования. Изъятые имущество подлежало отправке в губернские или уездные финотделы для направления в Гохран. Инструкция Помгола категорически запрещала реализацию ценностей на местах. Изъятые предметы учитывались

по весу (золотые и серебряные) или в штуках (драгоценные камни) {6: 21—23}.

ГПУ контролировало реакцию населения на изъятие церковных ценностей — этим специально занимался Секретный отдел ГПУ. Информационные сводки ГПУ дают представление о повсеместном недовольстве крестьянства изъятием ценностей, формах крестьянского сопротивления. В голодающих губерниях и духовенство, и крестьяне относились более лояльно к изъятию церковных ценностей.

В сводках ГПУ за первую половину марта 1922 г. отношение к кампании по изъятию со стороны крестьянства в Петроградской, Новгородской, Череповецкой, Северо-Двинской,

Владимирской, Калужской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Брянской губерниях характеризовалось как «враждебное» (в Тихвинском уезде Череповецкой губернии даже

«тревожное»). Во многих местах отмечались случаи, когда комиссии не допускались к работе. В Нижегородской губернии происходили массовые выступления против изъятия ценностей.

В Архангельской губернии стихийно собирались многолюдные собрания верующих, большинство составляли женщины. На собраниях в губернии принимались следующие решения: обратиться к загранице с просьбой дать хлеба под залог церковных ценностей,

последние же оставить на месте.

В Тарусском уезде Калужской губернии в одной из волостей имело место открытое выступление крестьян, на подавление которого власти направили вооруженный отряд.

В Лихвинском уезде одна из общин взамен церковных ценностей предложила хлеб по рыночной цене — губкомиссией ходатайство было отклонено. В Либкнехтовской волости

этого же уезда крестьяне устроили самосуд над уполномоченным комиссии и милиционером. В Боровском уезде верующие не дали комиссии приступить к работе —

в уезд был направлен отряд.

Наиболее неудовлетворительным настроением крестьян в связи с декретом об изъятии церковных ценностей оказалось в Тамбовской губернии. В Усманьском и Козловском уездах крестьяне отказались отдать ценности из церквей. В одном из сел Елатомского уезда

комиссия по учету церковных ценностей была разогнана крестьянами. В другом селе крестьяне едва не убили председателя комиссии по изъятию церковных ценностей. В Липецком уезде крестьяне потребовали собранные церковные ценности сдать патриарху или

организовать специальную комиссию, которая произведет обмен церковных ценностей на

хлеб и распределит среди голодающих. Распространились слухи о том, что церковные ценности будут распределены между коммунистами. В Шуйском уезде Иваново-Вознесенской губернии население препятствовало работе комиссий по изъятию, особенно

активно в Тейковском уезде. В Лежневском уезде крестьяне избили председателя волисполкома {1: 31—34; 6: 84—89}.

Повсеместные протесты против срочного и насильственного изъятия церковных ценностей заставили ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. объявить о временной приостановке изъятия ценностей — в губкомы и обкомы партии была направлена телеграмма по поводу

приостановки изъятия «из-за осложнений».

Просьбы верующих прихожан о замене церковных ценностей хлебом, продовольствием,

деньгами для голодающих власти категорически отвергали — такую установку местные

власти получили из центра. Делегация из Тверской губернии отправилась в Москву к Калинину, чтобы получить разрешение. Ходоков принял зам. председателя ВЦИК и зам.

председателя ЦК Помгола Смидович. Заместитель Калинина популярно объяснил ходокам:

государству нужен не хлеб, а золото {6: 57}. Президиум ВЦИК 13 марта разрешил ЦК Помгола замену «в исключительных случаях» церковных ценностей равным по весу количеством золота или серебра в других изделиях или слитках. 23 марта председатели губисполкомов получили телеграмму Калинина и члена Президиума ВЦИК Сапронова со

строгим предупреждением: ходатайства губернских комиссий о замене церковных ценностей золотом в каждом конкретном случае рассматриваются только в ЦК

Помгола {6: 53, 93}.

В течение марта—апреля 1922 г. кампания по изъятию ценностей, по оценке ее организаторов, проходила медленно и вяло. Подобная картина наблюдалась в Екатеринбургской, Вологодской, Казанской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Уфимской, Астраханской, Тюменской, Царицынской губерниях, а также в Горской Республике, на Северном Кавказе и Дону {1: 177—178, 180}. Темп изъятия был задержан

посевной кампанией и главным православным праздником — Пасхой.

Сверху постоянно шли директивы, требующие ускорить изъятие ценностей. 9 мая Калинин направил шифротелеграмму губкомам партии и губисполкомам, в которой объявил

о невыполнении директивы центра: изъятие церковных ценностей должно было закончиться

в европейской части страны к 1 мая, в Сибири — во второй половине мая.

Устанавливался

новый конечный срок выполнения заданий — до 20 мая, для Сибири — 1 июня.

Губернские

партийные и советские руководители предупреждались о привлечении к партийной и советской ответственности в случае их невыполнения {6: 232—233}.

2 апреля ЦК РКП(б) направил шифротелеграмму губкомам и губисполкомам, в которой требовалось обязать в первую очередь священников отвечать за хищения церковных

ценностей — арестовывать и предавать их суду в подобных случаях {1: 169—170}. Отмечались многочисленные случаи, когда крестьяне защищали своих приходских священников. Один из таких примеров связан с именем священника Иоанна из села Палех

Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии. Отец Иоанн (И.С. Рождественский) был

арестован по обвинению в участии в борьбе против изъятия церковных ценностей (по делу о событиях в г. Шуе).

Сельский сход села Палех 18 апреля 1922 г. направил ходатайство в Верховный трибунал

при ВЦИК об освобождении священника Иоанна: «...Принимая во внимание то, что о. Иоанн Рождественский много поработал, как общественно прогрессивный деятель, на пользу родного прихода и всего Палеховского района и снискал к себе всеобщее уважение

— мы, собравшиеся, не можем остаться безучастными при обвинении его в агитации в проповеди против Рабоче-Крестьянской власти. Чтобы не быть голословными в утверждении за о. Иоанном репутации прогрессивного общественного деятеля — считаем

нужным довести до сведения Ревтрибунала хотя бы о том, что благодаря трудам и энергии

о. Иоанна в селе Палехе в разное время были открыты следующие общественно-полезные

учреждения, как то: 1) Палеховское Общество Потребителей, 2) Палеховская Библиотека

Читальня, существующие и в настоящее время, и Палеховское Кредитное Товарищество. О.

Иоанн много содействовал распространению просвещения среди крестьянства; Палеховская

школа II ступени, рассадник знания нескольких волостей уезда, обязана своим открытием

больше всех — все ему же о. Иоанну. Таковы его только главнейшие заслуги перед государством и местным крестьянским населением. Словом и делом служа интересам крестьянства, о. Иоанн не мог призывать, и не призывал к неисполнению распоряжений власти, власти крестьян и рабочих» {1: 190}.

Однако крестьянское ходатайство не достигло желаемого результата: 25 апреля выездная

сессия Верховного трибунала в Иваново-Вознесенске приговорила священника

Рождественского к расстрелу. Правда, 26 апреля в Верховный трибунал поступила телеграмма Калинина и секретаря ВЦИК Енукидзе с предложением о приостановке

исполнения смертного приговора Рождественскому. 5 мая Президиум ВЦИК рассмотрел

ходатайство о помиловании Рождественского — приговор Верховного трибунала ВЦИК

оставил в силе. 10 мая в 4 утра последовало секретное донесение в Верховный трибунал об

исполнении смертного приговора Рождественскому {1: 204, 206, 232, 236}.

Руководство всей кампанией по изъятию ценностей осуществляли руководители

большевистской партии. Идейным вдохновителем был В.И. Ленин. Показательно в этой связи письмо Ленина членам Политбюро о политике в отношении церкви 19 марта 1922 г., в котором содержатся идеологические установки коммунистической партии. Ленин писал:

«Для нас, именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне. Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов.

Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий, не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто

мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает)» {1: 141—142}.

Ленин предлагал на съезде партии провести секретное совещание делегатов по данному вопросу совместно с главными работниками ГПУ, Наркомата юстиции и Ревтрибунала.

Цель данного совещания — принятие секретного решения съезда о том, что изъятие церковных ценностей должно быть проведено с «беспощадной решительностью, безусловно

ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок». Чем большее число представителей духовенства удастся по этому поводу расстрелять, настаивал Ленин, тем

лучше. Требовалось «именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков

лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». С целью «быстрейшего и успешнейшего проведения этих мер» предлагалось на секретном совещании партийного

съезда назначить специальную комиссию с участием Троцкого и Калинина, не публикуя об

этой комиссии никакой информации, чтобы руководство комиссией «всех операций» проводилось бы не от ее имени, а «в общесоветском и общепартийном порядке» {1: 143}.

Особая организационная роль отводилась Л.Д. Троцкому. Именно он стал главным организатором кампании. Все вопросы обсуждались и решались на самом высоком уровне

— в Политбюро ЦК РКП(б). 12 марта 1922 г. Троцкий направил в Политбюро записку.

Автор вносил в главный партийный орган предложение: допустить представителей «советской» части духовенства в органы Помгола. Стратегия Троцкого была рассчитана на

раскол среди духовенства посредством конкретного вопроса — изъятия ценностей из церквей. Троцкий утверждал: поскольку вопрос изъятия является острым, то и раскол на

этой почве должен принять очень острый характер, в результате часть духовенства, которая

выскажется за изъятие и поможет изъятию, окажется противопоставлена сторонникам патриарха Тихона. Предлагалось установить сотрудничество с лояльной («советской») частью духовенства, причем еще до введения их в органы Помгола. Подобный шаг позволял, по мнению Троцкого, опровергнуть распространенные подозрения и сомнения по

поводу того, что изъятые из церквей ценности расходуются не на нужды голодающих {6: 51}.

17 марта 1922 г. Троцкий подготовил для Политбюро новое письмо с предложениями об

организации изъятия церковных ценностей. Суть предложений заключалась в следующем. В

центре и губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей.

Председателем Центральной комиссии назначить Калинина. В губерниях в состав комиссий

включить военных представителей — комиссаров дивизий, бригад или начальников политотделов. Секретные комиссии по организации изъятия ценностей должны существовать под прикрытием официальных комиссий или отделов при комитетах помощи

голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих.

Агитации придать характер, направленный на помощь голодающим, при этом внешне отвлеченный от борьбы с религией и церковью. Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении инициативу, взять под защиту

государственной

власти священников, которые открыто выступают в пользу изъятия. Видных представителей

нелояльного духовенства не трогать до конца кампании, но негласно (через компетентные

органы) и официально (под расписку) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов

они ответят первыми. Работу по изъятию ценностей провести в кратчайший срок.

Изъятие в

каждом районе начинать с церкви, во главе которой стоит лояльный священник.

Поблизости

должна находиться надежная воинская часть, лучше всего отряд ЧОН {1: 134—135}. 20 марта Политбюро утвердило предложения Троцкого в качестве политической директивы.

В соответствии с указаниями Ленина и при непосредственном участии Троцкого была создана центральная комиссия по вопросам изъятия церковных ценностей. Она получила

своеобразное наименование — Комиссия по учету и сосредоточению ценностей (в ней заседали Троцкий, Калинин, Сапронов, Уншлихт, Медведь, Белобородов, Красиков, Стеклов

и др.). Комиссия имела «строго конспиративный характер». Адрес, состав не афишировался.

Протокол заседаний Комиссии печатался в одном экземпляре и имел гриф «Архисекретно.

Хранить конспиративно». Комиссия принимала решения, которые служили директивами для

Помгола. 20 марта 1922 г. Комиссия по учету и сосредоточению ценностей определила примечательную установку: к церквям в крестьянских, приходах относиться «с осторожностью и тщательно выяснив всю обстановку» {11: 40, 77}.

Предложения Троцкого о конкретных политических мероприятиях члены Политбюро

получили 23 марта и утвердили их. Еще через несколько дней, 26 марта, Троцкий внес

в Политбюро письмо с предложениями о дополнительных мерах. Установка Троцкого сводилась к следующему: «Попы должны отвечать не на вопрос о том, нужно ли помогать

голодающим, а должны прямо и точно призывать к исполнению декрета» {1: 153, 156, 160}.

Наконец, 30 марта 1922 г. появилась очередная записка Троцкого в Политбюро о политике по отношению к церкви. Троцкий констатировал наличие двух направлений среди

духовенства: контрреволюционного и «советского». Идеология последнего определялась

«вроде сменовеховской». «Сменовеховское духовенство» предлагалось рассматривать как

«опаснейшего врага завтрашнего дня». Но в текущий момент привлечь их для устранения

контрреволюционной части духовенства, фактически управлявших церковью. В этой борьбе

предлагалось тактически «опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально». Форсирование кампании, по Троцкому, не позволит «сменовеховским вождям очухаться» и совершить под «советским» знаменем попытку буржуазной реформации Православной церкви.

Кампания по поводу голода, подчеркивал Троцкий, для этого крайне выгодна, так как акцентировала все вопросы на судьбе церковных ценностей. Ставилась двуединая задача:

во-первых, заставить «сменовеховских попов» открыто связать свою судьбу с вопросом об

изъятии ценностей, во-вторых, заставить их довести эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с церковным руководством, до созыва собственного

нового церковного собора и новых выборов иерархии. «Нет более бешеного ругателя, как

оппозиционный поп» {1: 162—163} — данная фраза Троцкого достойна сборника крылатых изречений.

В подобном духе Троцкий подготовил предложения для партийных губкомов и губисполкомов. Суть сводилась к следующему: расколоть духовенство, расправиться с «черносотенными попами», неофициально поддерживать «сменовеховских попов», при этом

взять их на учет. 30 марта Президиум ВЦИК и ЦК РКП(б) направили губисполкомам и губкомам шифротелеграмму с директивой о поддержке «лояльного духовенства». К лояльному относилось духовенство, которое «точно и прямо призывает верующих к исполнению декрета ВЦИК об изъятии ценностей» {1: 164, 165}.

Троцкий подготовил инструкцию для печати с главной установкой: расколоть духовенство. Объявлялась борьба против «князей православной церкви». Предлагалось скомпрометировать их на вопросе помощи голодающим, обличая их «скарденность, жестокосердечие», а затем показать им «суровую руку рабочего государства» {1: 251; 6: 40}.

Специально для Политбюро Троцкий подготовил 10 мая проект воззвания группы

представителей «большинства рядового духовенства».

Первоначальную редакцию прочли Сталин, Каменев, Томский, Рыков, Молотов, Зиновьев. По поводу воззвания Троцкий телеграфировал в редакции газет «Правда» и «Известия» 14 мая: внушить уверенность лояльному духовенству, что «государство его в обиду не даст», поднять его дух, в результате дать возможность борьбе духовенства развернуться «в самой яркой и решительной форме», при этом «не выпячивать на первый план в ближайшее время позицию большевиков в отношении к религии». 16 мая Сталин предложил всем членам Политбюро утвердить предложенное Троцким «как директивы ЦК газетам». Все члены Политбюро предложение поддержали. Ленин также откликнулся: «Троцкий нажал, мы не оспариваем» {1: 312, 314—315}.

24 мая в очередном письме в Политбюро Троцкий настаивал: «Нет необходимости ангажироваться, даже неофициально. Выгоднее, если разгорится внутрицерковная борьба» {1: 181}. Сопrotивление самих верующих не позволило уничтожить церковь, вследствие чего ставка была сделана на организацию раскола внутри Церкви посредством так называемого обновленческого движения, начавшегося в России после Октября 1917 г. Большевики, прежде всего Троцкий, взяли курс на создание «советской церкви», первые попытки были предприняты к концу 1919 г.

Обновленческое движение организационно оформилось в 1922 г. К числу обновленческих церковных групп относились «Живая церковь», «Возрождение», «Древлеапостольская церковь», «Свободная Трудовая церковь» (лозунг последней — «Долой буржуев из храмов»). Идеологи обновленчества проповедовали «коммунистическое христианство», ратовали за возвращение к так называемым демократическим порядкам раннего христианства, стремились отождествить коммунизм и христианство. Обновленцы внесли ряд изменений в церковное устройство, культ и быт духовенства (высшее церковное управление, демократизация прихода, богослужение на русском языке). Деятельность обновленцев была направлена на конфронтацию со старой церковной иерархией во главе с митрополитом Тихоном и способствовала эволюции Русской православной церкви в сторону лояльности к советской власти.

Церкви обновленцев красились в красный цвет. На октябрьских празднествах обновленцы провозглашали здравицы: да будет советский колокольный трезвон, многая лета коммунистической партии. В Екатеринбургской губернии на первомайском празднике в станице Новопластунской местный священник заявил, что с победой русской революции «над черной реакцией» учение Христа претворяется реально в жизнь, так как Христос был тоже революционер, пострадавший за идеалы трудового народа {7: 30, 31}.

Сообщения местных органов в Секретный отдел ГПУ демонстрировали особое внимание

ГПУ к созданию групп «Живой церкви» в каждой губернии. Распоряжение Президиума ВЦИК Донскому исполкому 15 августа также ориентировало на «особенно внимательное и

деликатное отношение» к нуждам «Живой церкви» со стороны Советской власти, как лояльной власти. Всероссийский съезд духовенства «Живая церковь» в августе 1922 г. принял резолюцию о превращении провинциальных монастырей в трудовые коммуны {б:

310; 1: 316}. Крестьяне в большинстве своем безразлично или с осуждением относились к

обновленческому движению.

Характер масштабной общероссийской кампании по изъятию ценностей, заданный высшим органом правящей коммунистической партии, определял массовое изъятие ценностей в срочном порядке, как правило, без какой-либо экспертизы. Результат работы

комиссий по учету и сосредоточению ценностей измерялся конкретным количеством изъятого в килограммах, штуках. Местные власти нередко практиковали вторичное изъятие

ценностей. К саботажникам применялись жесткие меры наказания. Поскольку критерии

наказаний определены не были, то на местах наказания выносились различные за одинаковые деяния. Верховный и губернские ревтрибуналы выносили многочисленные расстрельные приговоры. Так, решением Вятского губернского ревтрибунала были приговорены к высшей мере наказания «за агитацию против изъятия церковных ценностей,

подготовку и организацию на почве изъятия восстания 2 мая в селе Поджернове, сопровождавшееся разгромом сельскохозяйственной коммуны и убийством двух милиционеров»: Поляков Иван Александрович, 50 лет, священник; Семушкин Михаил Александрович, 58 лет, церковный староста, крестьянин; Широков Семен Митрофанович, 44

года, крестьянин, председатель крестьянской общины {1: 248}.

В форсированном «сосредоточении» ценностей такие факторы, как условия хранения, надлежащая упаковка, оценка, транспортировка имели вторичное значение.

Финансовая

стоимость изъятых предметов имела приоритетный характер, художественная ценность имела второстепенное значение. В результате изъятые ценности поступали нередко в Гохран

через местные финотделы (в соответствии с Инструкцией ВЦИК) в разрушенном или испорченном виде. О варварских методах изъятия ценностей докладывала в Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей не кто иная, как Н.И. Троцкая (жена Л.Д. Троцкого), занимавшая должность заведующей Главмузеем Наркомпроса {б:

228—230}.

Даже сам Троцкий возмущался по поводу практики изъятия ценностей. В телеграмме председателю ВЦИК и ЦК Помгола Калинину и члену Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей Белобородову 5 апреля 1922 г. Троцкий писал: «По имеющимся у нас сведениям и по моим личным — при отображении ценностей случается, что

в церквях и даже алтарях курят. Иконы, когда снимают, кладут на пол, причем пол часто бывает очень грязным. Все это раздражает население... Неужели допускаются подобные безобразия? Надо бы поймать в одном хотя бы случае и предать трибуналу. Надо приучить щадить чувство верующих и не безобразничать» {6: 140}.

Несмотря на запреты властей, крестьянское население надеялось сохранить ценности сельских храмов в обмен на хлеб и продовольствие для голодающих. В одном из ходатайств

на имя Ленина 16 июля приходская община села Бараит Красноярского уезда Енисейской

губернии в количестве 6 тысяч прихожан просила заменить изъятие немногочисленных церковных ценностей из сельского храма местного небогатого прихода продуктами в количестве 150 пудов хлеба, 75 пудов мяса, 15 пудов масла. ЦК Помгола отказал в ходатайстве, пояснив, что возможна замена только золотом и серебром {6: 306—307}.

Крестьянское население, в большинстве своем верующее, недоумевало: почему для помощи умирающим от голода в Поволжье, на Украине, Урале нужно только церковное

золото, серебро и другие ценности? Для обмена ценностей за границей на продовольствие

требовалось время. Всем было известно: состояние транспорта не позволяло оперативно

доставить закупленное за границей продовольствие голодающим в Поволжье и другие регионы из портов.

Духовенство активно выступало против расхищения ценностей, использования их не для

голодающих, а на другие цели^[3]. Данное обстоятельство власти нередко интерпретировали

как контрреволюционные призывы и использовали в целях преследования неугодного духовенства.

К 1 ноября 1922 г. было изъято следующее количество церковных ценностей (по ведомости ЦК Помгола): золота — 33 пуда 32 фунта, серебра — 23 997 пуда 23 фунта, бриллиантов — 35 670 штук, других драгметаллов — 71 762 штук, жемчуга — 14 пудов 32

фунта, золотой монеты — 3115 руб., серебряной монеты — 19 155 руб., различных драгоценных камней — 52 пуда 30 фунтов. Стоимость всего изъятого оценивалась на сумму

4 650 810 руб. 67 коп. Кроме того, было изъято 964 единиц антикварных вещей {1: 183—

184}^[4].

Антирелигиозная кампания в Советской Республике в значительной степени решила проблему пополнения фонда материальных ресурсов Советского государства. Однако доктринальная установка большевистской партии, связанная с ликвидацией религии и церкви в ходе строительства социализма, осталась нерешенной. Советская власть, декларированная как власть рабочих и крестьян, столкнулась с массовым и повсеместным

протестом со стороны собственного народа.

Источники и примечания:

1. Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. Кн. 1. М. — Новосибирск, 1997.
2. Степанов В. (Русак). Свидетельство обвинения. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 2.
3. Родина. 1990. №6.
4. Осипова Т.В. *Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства.* М., 1996.
5. *Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы.* Т. 1. 1918—1922. М., 2000.
6. Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. Кн. 2. М. — Новосибирск, 1998.
7. Степанов В. (Русак). Свидетельство обвинения. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 3. *...сомнений по поводу использования церковных ценностей не по назначению имелись серьезные основания. Ценности реализовывались за границей по демпинговой стоимости. Этим занимался не только Наркомат внешней торговли, но и другие ведомства, а также отдельные лица. Примечательны следующие примеры: К Л. Каменеву обратился некий гражданин Шор, который предложил быстро реализовать ценности, изъятые из еврейских синагог: из Гохрана они выдаются группе лиц, представляющих религиозное течение в иудаизме, эта группа возмещает их стоимость металлической валютой, реализуя потом ценности за границей (в Америке). Другой пример связан с предложением председателя Совнаркома Украины Х. Раковского Троцкому: изъятые ценности заложить за границей, чтобы получить более значительный целевой заем (изъятие из антикварных предметов камней и драгметалла резко понижало их рыночную цену). Н. Троцкая предлагала не пускать ценности из золота, серебра и других драгметаллов в сплав, а реализовать часть ценностей, как востребованных предметов искусства и старины, на Ближнем Востоке и в Западной Европе. В результате сумма валютной выручки резко возросла. Для этого требовалось организовать отбор и экспертизу предметов, имеющих художественно-историческую ценность, для продажи на заграничном рынке {6: 250, 252, 272, 273}.*

(обратно)

4

Приводится также другая оценка изъятого: почти 7 млрд. руб., включая церковное

